

Глава 28. Поэтическое состязание

Семья Чжу выставила для состязания богатые дары, а потому не могла упустить случая блеснуть перед уездным судьёй и сюэчжэном, равно как и завести знакомства среди одарённых мужей. Будучи главой молодого поколения клана Чжу, Чжу Цзинчэн последние несколько дней трудился не покладая рук, улаживая все дела.

— Тему для нынешнего состязания назначит лично господин сюэчжэн, — пояснял он. — Вскоре её начертает на ширме первого этажа. Каждый, в ком проснётся вдохновение, волен войти в залу и оставить свои строки.

— Сперва все труды оценят лучшие ученики класса Цзя академии Цинфэн. Отобранные ими работы перепишут начисто и представят на суд префекта, сюэчжэна и главы академии. Ровно в три часа пополудни приём работ прекратится. Имена тех, чьи стихи признают достойными, нанесут на ширму, и среди них нарекут единственного Шихуэя.

— Начиная с него, — продолжал Чжу Цзинчэн с улыбкой, — все отмеченные таланты смогут по очереди выбрать себе награду из выставленных сокровищ.

— Иные дары — сушь да золото, безделицы вроде яшмы или серебра, — заговорщицки добавил он. — Но тот дар, что подготовил господин сюэчжэн, имеет славную историю. Это древний фолиант ушедшей династии. Поговаривают, ради такой редкости даже почтенные цзюйжэни готовы были бы забыть о чинах и вступить в спор!

Цю Хуанянь слушал с неизменным любопытством. Становилось ясно, что борьба предстоит нешуточная. Он не смел и мечтать, что Ду Юньсэ достанется столь редкая награда, юношу просто захватило само действие.

Обменявшись ещё парой слов, Чжу Цзинчэн откланялся — дела не ждали. Напоследок он строго велел младшему брату Цзинвэю потчевать дорогих гостей. Тот с готовностью закивал: лишь бы не заставляли корпеть над книгами, он был согласен на любое поручение.

Троица осталась ждать начала состязания. Тем временем у расписного павильона собиралось всё больше книжников. Многие из них щеголяли в одеждах академии Цинфэн: их белые халаты и накидки цвета озёрной воды выглядели свежо и ярко в пёстрой толпе.

Раз уж сам глава академии взялся судить поэтов, его ученики сочли своим долгом явиться и показать, на что способны. Юй Минь шёл в окружении товарищей, наслаждаясь восторженными взглядами гуляющих.

— Сказывают, награды нынче богатые. Купцы не поскупились, редких сокровищ не счесть, — с надеждой в голосе промолвил один из учеников, чей достаток был весьма скромным.

— Обычные безделицы, — небрежно бросил Юй Минь. — У торговых людей нет благородства, вот и выставляют напоказ одно лишь золото.

Будучи сыном знатного рода, он имел полное право на подобное пренебрежение, однако его спутник невольно помрачнел. Он понимал, что юноша не хотел его обидеть, но слова эти больно кольнули самолюбие.

Юй Минь шагал во главе группы, совершенно не замечая смятения своего товарища. Помахивая сандаловым веером, привезённым из южных краев, он продолжал:

— Разве что древний фолиант сюэчжэна стоит внимания. Вот стану Шихуэем, заберу его себе и изучу на досуге.

Юй Минь и впрямь был остёр на ум и искусен в сложении изящных строк, так что похвальба его не казалась пустой. Зная, что он не терпит возражений, товарищи принялись наперебой поздравлять его с будущей победой.

Когда на ширме наконец начертали тему, взгляд Юй Миня загорелся. Вдохновение захлестнуло его; он тотчас прошёл внутрь и занял один из первых столов. Не прошло и четверти часа, как стихи были готовы. Взмахом руки он подозвал слугу, чтобы тот унёс работу наверх, к судьям.

Снаружи, у павильона, Цю Хуанянь, прочитав тему, тщетно пытался выдавить из себя хоть пару строк. Осознав тщетность усилий, он сдался и обернулся к Ду Юньсэ:

— Биньчжи, что скажешь?

Ду Юньсэ посмотрел на него сверху вниз. После долгого ожидания на берегу реки Хуанянь явно притомился. На его белом лбу прилипли влажные от пота пряди волос, но глаза по-прежнему сияли живым блеском.

— Времени ещё в достатке. Пойдем, я устрою тебя в чайной палатке.

Расторопные торговцы уже успели раскинуть неподалеку легкие навесы, где за несколько монет предлагали прохожим отдых и прохладное питьё.

Чжу Цзинвэй хлопнул в ладоши:

— Господин Ду прав! До срока ещё далеко, спешить некуда.

От долгого стояния на жаре у него самого уже пересохло в горле.

Защищая Хуаняня от толкотни, Юньсэ довёл его до навеса и нашёл свободное место. Цзинвэй не поскупился и заказал самый лучший холодный чай и сладости.

— Пустяки, я и сам голоден. Не стесняйтесь!

Лишь убедившись, что его суженый устроился в тени, Ду Юньсэ дал ещё несколько наставлений и направился к павильону.

После его ухода Цзинвэй усидел лишь пару минут. Вскоре он объявил, что пойдёт побродит по окрестностям, и пообещал вернуться к завершению состязания.

Цю Хуанянь остался один. Обдуваемый лёгким ветерком, он наслаждался ароматами полыни и реальгара, царившими в воздухе, и лениво наблюдал за людским водоворотом, время от времени отправляя в рот кусочек пирожного.

Внезапно тень легла на его стол. Подняв взгляд, он увидел того, кого меньше всего ожидал.

Юй Минь, закончив свой труд и проходя мимо палаток, случайно заметил того самого гээр, которого встретил несколько дней назад. Не раздумывая, он оставил товарищей и подошёл ближе.

— Пришли поглазеть, как мужи стихи слагают? Неужто и грамоту знаете?

Хуаняню претил заносчивый и бесцеремонный тон юноши. Отвечать не хотелось, но одежды академии Цинфэн на Юй Мине были слишком приметны. Собравшиеся вокруг уже всю перешептывались, называя его имя.

— Я жду здесь близкого человека, — сухо ответил Хуанянь. — Не смею вас задерживать, господин Юй.

Он всем видом показал, что беседа окончена. Юй Минь, с детства привыкший к лести и вниманию, впервые столкнулся с таким холодным приёмом. Это не только задело его, но и пробудило в нём азартное желание во что бы то ни стало одержать верх.

— Неужто и тот, кого вы ждёте, дерзнул участвовать?

Увидев утвердительный кивок, Юй Минь лишь фыркнул:

— Что ж, когда всё закончится, лучшие работы вывешат для всеобщего обозрения. Посмотрим, каков уровень вашего спутника. Боюсь только, — добавил он с издёвкой, — что его вирши повешат в таком глухом углу, что мне и вовек их не сыскать.

С этими словами он захлопнул веер и гордо удалился. Люди вокруг принялись оживлённо обсуждать их встречу, так что Хуаняню пришлось оставить свои сладости и уйти в более тихое место поджидать Юньсэ.

Спустя время вернулся Ду Юньсэ. Вместе они отправились к реке Ай — полюбоваться на лодки простых горожан, которые теперь бороздили воду просто ради забавы.

Ровно в три часа пополудни состязание было объявлено закрытым. На втором этаже павильона судьи уже закончили разбор почти всех свитков.

— В нынешнем году мы получили более ста восьмидесяти творений. На треть больше, чем прежде! — льстиво заметил один из чиновников. — И всё благодаря мудрому покровительству господина сюэчжэна.

Фэн Минцзюнь остался холоден к лести.

— Лучшие работы отобраны, — кратко прервал он его. — Пора наречь Шихуэя.

Префект Сянпина Сы Цзин взял один из свитков:

— Сии строки полны изящества и красоты. Образы свежи, а слог столь лёгок, что в нём чудится подлинное благородство южных краёв. Этот автор достоин высшей чести.

Однако глава академии Минь Тайкан покачал головой и поднял другой лист:

— А в этом труде я вижу редкую ныне чистоту и прямоту слога. Мысль течёт плавно, без лишних украшательств и искусственности. В нём живёт дух древних мастеров, а последние строки столь глубоки, что заставляют сердце замереть. Вот подлинный Герой этого дня.

Каждый из них выбрал своего фаворита. Фэн Минцзюнь внимательно изучил оба свитка, после чего обменял их и снова погрузился в чтение. Когда последние знаки были прочитаны, судьи переглянулись.

— Что ж, пусть этот муж станет Шихуэем.

— Согласен. Так тому и быть.

В начале пятого часа слуги вынесли вниз охапки свитков. Их начали развешивать в главном зале, а на центральной ширме — те десять работ, чьи авторы заслужили право выбрать награду.

Перед павильоном было не протолкнуться. Каждый хотел первым узнать имена победителей.

Хуанянь тоже попытался пробиться вперед, но в сутолоке его едва не сбили с ног. Ду Юньсэ вовремя подхватил его.

— Осторожнее, Хуа-гээр. Не стоит спешить.

Подошедший Чжу Цзинвэй подтвердил:

— Сейчас ученики академии примутся зачитывать вслух лучшие стихи. А позже эти свитки перенесут к воротам Гунъюаня — их весь город увидит!

Оценив свои силы, Хуанянь решил не лезть в гущу толпы.

С другой стороны павильона Юй Минь, пользуясь своим ростом, одной рукой придерживал цветок в волосах, а другой работал веером, прокладывая путь к ширме.

Перед ним уже стоял один из сокурсников по имени Ван Иньчжи. Юй Минь хлопнул его по плечу веером:

— Ну что, Иньчжи, есть на что глянуть?

Ван Иньчжи обернулся, и на его лице отразилось нечто среднее между испугом и жалостью.

— Лучше посмотри сам... — пробормотал он и поспешно скрылся в толпе, не желая быть рядом в миг грядущей бури.

— Что за странности? — проворчал Юй Минь, устремляя взор на самую вершину списка. В следующую секунду он замер, глаза его расширились от недоверия: — Быть не может!

— Шихуэем префектуры Сянпин в праздник Дуанью года двадцать первого Юаньхуа объявляется... Ду Юньсэ, уезд Чжан префектуры Сянпин провинции Ляочжоу!

В тени деревьев Хуанянь услышал знакомое имя. Глаза его вспыхнули восторгом:

— Биньчжи! Это ты!

Чжу Цзинвэй и сам не ожидал, что его случайный знакомец окажется столь одарён.

— Поздравляю, почтенный брат! Вот так удача!

Теперь он точно не получит нагоняй за прогулку, скорее — похвалу от домашних за такое знакомство.

Ду Юньсэ посмотрел на руки Хуаняня, который от радости вцепился в его предплечье, затем перевёл взгляд на его сияющее лицо, встретившись взглядом с его блестящими, полными улыбки глазами.

— Я пойду за наградой. Отпразднуем, когда вернёмся.

Под пристальными взглядами сотен людей Ду Юньсэ оправил одежду и спокойным, размеренным шагом вошёл в павильон. Юй Минь не отрывал от него взгляда, пытаясь разглядеть того, кто лишил его первенства. Увидев, что соперник ненамного старше его самого, он почувствовал, как горькая обида закипает в груди.

Стихи Юньсэ он уже успел прочесть. Признаться, они были хороши, но Юй Миню в них не хватало той лёгкости и игры слов, которыми он так гордился. Юноша не считал свой труд хуже — и не понимал, почему глава Минь и остальные поставили его лишь на второе место.

А мысль о том, что Ду Юньсэ первым выберет ту самую древнюю книгу, о которой он мечтал, и вовсе приводила его в ярость.

В павильоне Юньсэ сперва подтвердил свой почерк, дабы не возникло сомнений в авторстве. Судьи спустились вниз. Увидев, сколь молод победитель, префект и глава академии были немало удивлены.

— Ду Юньсэ... — префект Сы Цзин на миг задумался. — Уж не тот ли это вундеркинд, которого девять лет назад забрал в странствия великий наставник Вэнь?

Минь Тайкан тоже вспомнил:

— Должно быть, он. Если он приехал на экзамены, то в следующем году, когда академия Цинфэн откроет врата для новых учеников, нам стоит пригласить его.

В зале уже стояли открытые ларцы. Награды слепили глаза: антикварные редкости, жемчуга, резная кость и чистейшая яшма — всё то, о чём люди снаружи могли лишь мечтать.

Ду Юньсэ медленно обвёл взглядом сокровища. Снаружи Юй Минь не удержался от насмешки:

— Что он медлит? Забирал бы фолиант и уходил!

Но Ду Юньсэ, не обращая внимания на шепотки, прошёл мимо древней книги и остановился у ларца по левую руку.

— Книга же справа! Что он ищет? — зашептались в толпе.

Юньсэ протянул руку и поднял предмет, заставив всех любопытствующих затаить дыхание. Это была шпилька из тёплого нефрита длиной около пяти цуней, отливающая нежным алым цветом. Камень был чист, без единого изъяна, а само украшение изгибалось плавной линией, венчаясь искусно вырезанной фигуркой алой птицы.

Тот, кто смыслил в камнях, сразу понял бы — такая вещица стоит не меньше двадцати лианов. Награда была достойной, но всё же не могла сравниться по ценности с древним фолиантом. Да и форма шпильки — «Алая птица, летящая к солнцу» — больше подошла бы молодому гээр, нежели мужу-книжнику...

Сюэчжэн Фэн Минцзюнь нахмурился:

— Почему твой выбор пал на это украшение?

Он помнил этого юношу — лучшего ученика своего старого друга Вэнь Хойяна. Фэн Минцзюнь был рад, что воспитанник Вэня не ударил в грязь лицом, и потому судил его ещё строже. В его годы, с таким талантом — не пойдёт ли он по ложному пути, утопая в неге и ласках красавицы?

Ду Юньсэ убрал шпильку за пазуху и почтительно поклонился:

— Семья моя бедна, и лишь благодаря поддержке моего суженого я могу сегодня стоять здесь. У меня нет ничего, чем я мог бы отплатить ему за верность, и мне часто бывает больно от этого. Потому я выбрал эту шпильку, чтобы поднести её ему в знак моих чувств.

Фэн Минцзюнь вспомнил, как многие столичные чиновники мечтали заполучить ученика Вэня в зятя, но Ду Юньсэ всем отвечал отказом, ссылаясь на то, что в родном краю его ждёт суженый. Гнев судьи угас.

— То, что ты не забываешь своих корней, похвально. Я выбрал тебя Шихуэем потому, что в твоих стихах живёт забота о народе и государстве. Сохрани это в сердце. Не дай суетным благам затуманить твой взор в будущем.

Ду Юньсэ пообещал следовать этому напутствию и вышел из павильона.

Следом вызвали Юй Миня. Тот без колебаний забрал древний фолиант, но радости не чувствовал. Ему казалось, будто он подбирает то, что не пригодилось Юньсэ.

«Надо же, стихи пишет столь строгие, а на деле — просто влюблённый простак, готовый ради шпильки для своего гээр отказаться от бесценной книги».

Перед глазами Юй Миня вдруг всплыл образ того самого дивного гээр, встреча с которым всякий раз выводила его из равновесия. Что и говорить, вкус у Ду Юньсэ был отменный. Эта шпилька и впрямь хороша — будь она в волосах того незнакомца, он стал бы ещё прекраснее.

«Жаль. Если бы Ду Юньсэ взял книгу, я бы, пожалуй, выбрал шпильку. Глядишь, и повод бы нашёлся её подарить...»

Юй Минь терзался этими мыслями, а когда наконец вспомнил, что хотел спросить у того гээр его мнение о своих стихах, Цю Хуанянь и Ду Юньсэ уже покинули берег реки.

Ду Юньцзин с потемневшим лицом возвращался в свою каморку. В толпе он случайно задел плечом какого-то богатого господина и тут же выслушал град издёвок. Он лишь крепче сжал кулаки, усмиряя клокочущую в груди ярость.

В уезде Чжан его ученический халат обеспечивал ему уважение. В Сянпине же его грубая домотканая одежда не стоила и гроша. Если бы все были в таком положении, он бы стерпел. Но Юньсэ! Почему ему всегда везёт?!

Воспоминание о том, как его собственные стихи повесили в самом пыльном углу павильона, в то время как имя Ду Юньсэ громогласно выкрикнули первым, желчью подступало к самому горлу. Неужели он и впрямь настолько хуже? Быть не может! Юньсэ просто повезло в детстве попасться на глаза великому наставнику.

Юньцзин всегда верил, что он — непризнанный гений. Родись он в знатной семье, его имя гремело бы на всю Поднебесную. Он бешено завидовал брату, который, будучи таким же деревенским парнем, сумел возвыситься.

Когда-то он и сам засматривался на Хуаняня. Когда его мать прознала об этом и решила сосватать ему Мэн Юаньлина — кузена из зажиточной семьи, Юньцзин не стал спорить. Юаньлин был мил и богат. Но вскоре учитель в уездной школе намекнул, что не прочь выдать за него свою дочь, и юноша тут же забыл о деревенском гээр.

И вот теперь он снова видел их. Ду Юньсэ, выбирающий шпильку для своего суженого на глазах у всего города...

«Чистое позёрство! Мелочный глупец!»

Будь Юньсэ практичен, он выбрал бы то сокровище, что можно продать подороже. Будь он хитёр — взял бы книгу сюэчжэна. А он выбрал безделицу.

«Сюэчжэн ещё похвалил его за верность корням? Ха, какая нелепость! Всё ясно. Фэн Минцзюнь прежде служил в столице и водил дружбу с наставником Вэнем. Вот он и вытянул своего любимчика. Первое место досталось Юньсэ только из-за старой дружбы судей!»

От этой мысли Юньцзину стало чуть легче.

«Просто везение. Сплошное везение».

За годы в уездной школе он хорошо выучил, как всё устроено. Раньше делами провинции заведовал человек осторожный, не желавший рисковать. Услышав о том, что Вэнь Хойян попал в темницу, Юньцзин был уверен: путь Ду Юньсэ к чинам закрыт. Никто не рискнёт гневить государя ради опального ученика.

Он ликовал. Даже вернулся в деревню, чтобы разнести слухи и сделать жизнь родни Юньсэ невыносимой. И всё шло по его плану, пока император вдруг не сменил сюэчжэна перед самыми экзаменами! И надо же было новому чиновнику оказаться старым другом наставника Вэня!

«Ничего. Поэзия — это забава. На настоящем экзамене правила суровы, там и сюэчжэн не поможет. Вот тогда и увидим, кто чего стоит!»

Ду Юньцзин тяжело выдохнул и вошёл в ворота двора, где они снимали комнаты. На него тут же пахнуло тяжёлым запахом навоза, и он снова поморщился. Дом был богатым, в три двора, но им сдали лишь две даоцзофан — каморки у самых ворот, чьи стены выходили прямо на улицу. С одной стороны от них был забор, с другой — конюшня.

Комнатушки были тесными, тёмными и сырыми. В трёх жили слуги хозяина, а две пустовали, пока их не сняла семья Юньцзина. Каждый день он видел, как хозяин отдаёт приказы слугам, в то время как сам он был вынужден жить бок о бок с этими самыми слугами. Сердце его горело от обиды.

Он злился на родителей за то, что они притащили в город всю семью. Оставь они его одного с невесткой Вэй Люхуа, денег хватило бы на жильё поприличнее.

По правде говоря, эти комнаты были не хуже домов в деревне, да и запах навоза для сельского жителя — дело привычное. Но Юньцзин, привыкший к чистоте в уезде, теперь не мог его выносить. Он тешил себя лишь одной мыслью: как бы плохо ни жилось ему, Ду Юньсэ наверняка устроился ещё хуже. С их-то бедностью они, верно, спят на соломе в какой-нибудь

грязной ночлежке для нищих!

Войдя в полумрак комнаты и привыкнув к тусклому свету, он бросил через плечо:

— Гуэр, дай воды.

Ли Гуэр закусил губу и вышла, сгорая от тихой ярости. В префектуре госпожа Чжао, испуганная ценами и обилием знати, почти не выходила со двора. Всю свою желчь она выплёскивала на племянницу, словно та была виновата во всех тратах. Она помыкала ею, как рабыней, и Ли Гуэр сходил с ума от обиды. У настоящих слуг хоть жалованье есть, а её просто изводили пощёлками.

Она и думать забыла, как совсем недавно вместе с Чжао помыкала невесткой Вэй Люхуа.

В их каморках не было даже лишнего канга. Ли Гуэр соорудила себе подобие лежака из досок и скамей у самой двери в комнату Юньцзина. Каждую ночь она лежала там, боясь пошевелиться.

«Ничего... вот закончатся экзамены...»

Она нащупала в складках одежды два пузырька. То, что она жила в одной комнате с Юньцзином, было ей только на руку. Как только Юаньши завершится, она начнёт действовать!

<http://bllate.org/book/15363/1373592>